

НЕЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Денцель Артур

Артур Денцель
Незамкнутый круг

«Автор»

2026

Денцель А. С.

Незамкнутый круг / А. С. Денцель — «Автор», 2026

Когда Алтей впервые заставил рисунок ожить, он думал, что нашёл чудо. Через несколько дней ему пришлось покинуть родную деревню. Теперь за его спиной остались дом, семья и ошибка, которую уже невозможно исправить. Впереди — дорога, чужие города и существа, о которых большинство людей предпочитает не знать. Алтей умеет распознавать травы, лечить раны и читать старые справочники. Но этого может оказаться недостаточно, когда в мир начинают возвращаться вещи, которым не место среди людей. Чтобы выжить, ему придётся разобраться в природе собственного дара и понять, почему рисунки, созданные его рукой, способны менять реальность.

© Денцель А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Сажа и подсолнухи	5
Глава 2: Треснувшее стекло	7
Глава 3: Цена круга	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Артур Денцель

Незамкнутый круг

Глава 1: Сажа и подсолнухи

— Зверобой. Фиалка. Будра, — бубнил я, складывая растения в мешочек.

Если отец заставит меня еще и развешивать всё это добро под стропилами, то я смогу излечить любую болезнь одним своим запахом. А весеннее солнце, между тем, припекало макушку совсем не по-детски.

На первый взгляд, день выдался чудесный, но я бродил по траве с такой миной, будто у меня зубы сводило от кислоты. Мне двадцать. Лёвка-кузнец на той неделе уже хвастался, что заложил первый венец своего сруба, а я всё вел «светские беседы» с корешками. Отец упорно считал, что пучок сушеной мяты — лучшая замена внукам. Набив мешочек свежими растениями, я поплелся к дому.

С порога меня встретил густой, приторный дух сушеной полыни и старой кожи. Для кого-то это, может, и запах уюта, но для меня он давно стал ароматом концентрированной скуки. Отец сидел у окна, сгорбившись над пучками шалфея.

— Долго, — буркнул он. Даже голову не повернул. — Бросай мешок, садись за книгу. Повторяй про водяных.

— Я про него уже четвертый раз перечитываю, — я швырнул траву на лавку. — Помню я, чем его подкармливать.

— Помнишь — и хорошо, — отец наконец глянул на меня. — Чудища ошибок не прощают. Перепутаешь какую-нибудь мелочь — и до вечера не дотянешь. Садись давай.

Я вздохнул, глядя на пухлый, потрепанный временем фолиант с травами и существами.

Перечитал одну и ту же страницу три раза, так и не поняв, зачем я это делаю. Мысли крутились вокруг «пустоцветов» — тех, у кого чернила в руках якобы оживали. В деревне про них говорили только шепотом. Три года назад из Ольховки гнали парня — он божился, что зажег свечу одним штрихом. Гнали камнями, пока из виду не скрылся.

Вечером, когда дом затих и родители ушли к себе, я остался у стола в своей каморке. Руки чесались. На краю стола лежал обрывок бумаги. Я макнул перо в чернильницу. Начал царапать что-то невнятное — получился кривой подсолнух с рваными лепестками.

Раздался сухой щелчок.

В центре рисунка вспыхнула крошечная рыжая искра. Она не гасла. Вокруг немного похолодало. Я замер, уставившись на неё. Светляк? Я попытался смахнуть его, как соринку.

— Твою ж...! — я резко отдернул руку.

Обожгло. Больно, до слез. Я сунул палец в рот, чувствуя вкус гари и подпаленной кожи. Бумага дымилась, в центре рисунка загорелся огонек.

Он дрожал, едва касаясь воздуха. Не жег. Не разрастался. Просто был.

За дверью скрипнула половица. Я похолодел. Если отец увидит дым и этот листок — мне конец. Закопает прямо за домом вместе со всеми свитками. Я скомкал бумагу в кулаке, обжигая пальцы, и сунул её в глубокий карман штанов. Сердце колотилось в самые зубы.

Весь остаток ночи я пролежал, уставившись в потолок. «Это из-за свечи», — твердил я себе, хотя она была новой. Но палец ныл, а в кармане лежал холодный пепел того, что я сам создал.

На следующий день я старался не вспоминать об этом. Всё шло как обычно: занятия, разговоры, привычные дела. И всё же где-то на краю сознания оставалось ощущение, что я упустил что-то важное.

К вечеру отец усладил меня за свежей хвоей, я свернул к ручью. К старым камням. В кулаке я сжимал уголек, выгребенный из печи.

Я нашел плоский камень и попытался повторить круг. Рука дрожала, уголь мазал по мокрому граниту. Получилась какая-то грязная клякса. Ничего.

Я стер её рукавом, пачкаясь в сажу. Попробовал снова. Линии выходили лохматыми, камень был холодным и скользким. Никаких искр. Только грязь под ногтями и злость на самого себя. «Дурак, привиделось же», — проворчал я и хотел уже бросить уголь в воду.

Я уже размахнулся выбросить уголёк в воду — и вдруг чиркнул им кривую линию по камню. Уголек сломался, больно ткнув в палец.

Камень под рукой мелко, противно задрожал. Раздался резкий звук, будто лопнула струна. Из серой глубины вырвался злой язычок пламени. Пахнуло прохладой и жженой медью. Огонь слизнул угольную пыль и погас. На камне осталось сизое пятно.

Я сел прямо в мокрый мох. Мне бы испугаться, бросить всё и бежать назад к отцу, к безопасным травкам. Но я сидел, глядя на свои черные пальцы, и уже присматривал следующий камень.

Глава 2: Треснувшее стекло

После того случая с подсолнухом я потерял покой, но не сразу решился повторить. Несколько дней я старательно делал вид, что ничего не произошло: сидел за столом, отвечал отцу, перебирал травы. Лист с рисунком я спрятал под тюфяк и старался о нем не думать, но мысль о крошечном огоньке возвращалась снова и снова, особенно по вечерам, когда в избе становилось тихо.

В конце концов любопытство пересилило. Я снова заперся в своей каморке, достал перо и долго возился с чернилами, сам не понимая, почему теперь это кажется таким важным.

Первый рисунок не дал ничего. Второй тоже. Я даже почувствовал легкое раздражение, словно меня обманули. Но на третий раз, когда линия замкнулась чуть ровнее, в центре снова вспыхнул знакомый слабый огонёк. Он был таким же маленьким, как и прежде, но теперь я уже не испугался, а только придвинулся ближе.

Теперь каждый вечер, когда сумерки сгущались над лесом, а родители уходили в сени, я запирался в своей каморке. Моими лучшими друзьями стали тишина и запах вишневого клея. Я часами вываривал чернила в крохотной плошке, добиваясь идеальной густоты — чтобы сажа ложилась на пергамент черным бархатом, а вишневая камедь давала нужную вязкость.

Родители не могли нарадоваться моей внезапной «перемене». Отец, проходя мимо моей двери, довольно басил, что наконец-то в парне проснулся толк и скоро я начну отличать корень алтея от сушеного лопуха без подсказок. Я только кротко кивал, пряча испачканные чернилами пальцы под стол. «Как бы не так», — проскакивало в моих мыслях. Я действительно учил растения, но совсем не для того, чтобы лечить ими кашель.

Путем сотен проб и испорченных листов, я все еще не сильно понимал, что делаю, но кое-что начало получаться: начав рисовать не только подсолнухи, но и другие растения, я получил неожиданные результаты: роза давала лишь слабый аромат, а крапива заставляла бумагу неприятно зудеть.

С лилией получилось не сразу. Сначала — ничего. Когда же я с особой тщательностью вывел нежные, округлые лепестки лилии, воздух в комнате вдруг стал тяжелым и влажным, а на кончике моего пера повисла холодная капля чистой воды.

С одуванчиком пришлось повозиться дольше. Я сперва решил, что это сквозняк. Закрыв всё. Снова вычертил круг. Меня обдал тот самый ветерок.

Самым своенравным оказался чертополох. Его колючий, угловатый цветок не горел и не дул, он делал столешницу под собой твердой, как гранит. По началу этого не заметив, обломал наконечник пера.

Стоило мне однажды зазеваться и посадить жирную, сочную кляксу прямо на аккуратно выведенный лепесток подсолнуха, как всё пошло наперекосяк. Эта лишняя капля, словно сорняк на ухоженной грядке, исказила всю суть рисунка. Едва я замкнул внешнее кольцо, как свеча погасла, а вместо ожидаемого уютного тепла в меня пыхнуло жаром, а в нос ударил запах едкого дыма.

Волосы тогда знатно подпалило — челка превратилась в жалкие обрубки, — и я целую неделю не снимал шапку даже за обедом. На сочувственные расспросы матери и подозрительные взгляды отца я только бубнил в тарелку историю про неудачно взорвавшуюся масляную лампу, которую я якобы пытался починить.

Я заметил, что стал быстрее уставать. Появилась спутанность в мыслях, а глаза отказывались концентрироваться на рисовании кругов. Вероятно, сказывалось малое количество сна, а света от свечи было слишком мало.

Но настоящая свобода пришла, когда я осмелел и начал рисовать «букеты». Первый раз это вышло случайно: я набросал одуванчик, но рядом, почти касаясь его стебля, вписал

лепестки лилии. Когда круг замкнулся, по комнате не просто пронёсся ветер, а поплыла прохладная, освежающая взвесь, точь-в-точь как утренняя роса над лугом. Я сидел и смотрел на это дольше, чем нужно. А в голове проносились мысли: хватит ли мне смелости показать это кому-то, кроме старой мебели в моей комнате.

Дождливая весна превратила нашу жизнь в бесконечную борьбу с сыростью. Взмокшая травы вытесняла ранее привычные запахи, лишь редкие солнечные дни возвращали все на круги своя. Отец всё чаще хмурился, глядя на почерневшие связки зверобоя, которые никак не хотели сохнуть.

Я подумал, что это мой шанс что-то доказать отцу. Надоело слушать, что я ни на что не гожусь.

Решение пришло не сразу. Несколько вечеров подряд я только сидел над листами, перебирая в голове варианты и не решаясь начать. Всё, что раньше казалось увлекательной игрой, вдруг стало чем-то более серьезным.

Мои попытки совместить подсолнух с одуванчиком — жар с направленным ветром — часто давали непредсказуемый эффект. Я то и дело жёг драгоценную бумагу, и в избе то и дело пахло горелым. Родители уже начали косо на меня поглядывать, подозревая, что я превращаюсь в пиромана, изводящего пергамент ради забавы. Мне нужно было доказать, что всё это не зря.

В тот день волнение сковывало горло. Я приготовил всё необходимое: два листа с заготовками, которые осталось лишь замкнуть коротким росчерком пера. На одном — сложный переплет подсолнуха и одуванчика для тепла и обдува, на другом — лилия с одуванчиком на всякий пожарный случай.

Я вошел в основную комнату. Дождь барабанил по крыше, а внутри было душно от пара. Мама о чем-то бесконечно болтала с соседкой, бабушкой Марфой, а отец развешивал свежую, тяжелую от влаги траву под стропилами. Сгорая от нетерпения и не дожидаясь, пока Марфа уйдет, я прикрикнул, стараясь придать голосу уверенности:

— Садитесь, пожалуйста, на лавку! У меня есть, что вам показать.

Голос мой срезал разговор матери и Марфы — совсем не так, как я представлял: неуверенно, хрипло, с каким-то подростковым надломом, от которого самому стало неловко. Но отступить было уже некуда. Вся суэта последних недель, вся моя тайная жизнь, весь этот абсурдный страх — всё, казалось, уперлось в эту самую минуту, когда я вызывал к себе внимание сразу троих взрослых, ни один из которых не умел слушать на равных.

Они обернулись почти синхронно. У матери на лице вместо обычной мягкой усталости впервые за долгое время мелькнула тревога. Отец, как всегда, сохранял неподвижную маску, но за его морщинами теперь читалось напряжение. А Марфа... Ну, Марфа смотрела так, будто в каждом подростке с рождения подозревала скрытого колдуна.

Я разложил свои листы на столе, почти ритуально. На одном — аккуратно выведенный контур «букета», где переплетались подсолнух и одуванчик. На втором — всё та же лилия, окружённая россыпью капель, вписанных в узкий круг. Я глубоко вдохнул и обмакнул перо. Секунду колебался, заметил, как дрожит рука, но заставил себя довести линию.

— Вот, — сказал я. — Смотрите.

В комнате наступила странная пауза. Мать чуть сдвинулась в сторону, будто готовилась метнуться между мной и опасностью. Отец по привычке сцепил руки за спиной и уставился на лист. Марфа закатила глаза, но не ушла, как я надеялся, а осталась, всем своим видом показывая: сейчас-то и вскроется вся ерунда.

Я кивнул отцу:

— Можно?

Он что-то мыкнул, не отрывая взгляда от стола. Я потянулся к первому листу, приготовившись к тому, что будет либо триумф, либо позор всей жизни.

В тот самый миг, когда перо чиркнуло по бумаге, сердце ухнуло в пятки и, кажется, там и застряло. Я хотел вывести ровный, идеальный круг, но вместо этого рука затрусилась, и линия вышла рваной, с некрасивым изломом. Я только успел подумать: «Вот же...», как из центра нарисованного «букета» с оглушительным ревом вырвался столб огня.

Пламя взметнулось вверх, лизнуло потолок, вспыхнуло на траве, которой отец увешивал стропила. Огонь сразу был жадный и злой, как живой зверь: хватал всё вокруг, разрастался пугающе быстро.

— Охти мне! — завопила Марфа. Она отпрыгнула дальше всех, вжимаясь в стену и цепляясь за свои юбки, будто те могли её защитить от горящей избы.

Отец бросился к очагу, но понял, что тушить почти нечем. Мать схватила ведро с водой, но его хватило только чтобы намочить пучок еловых лап и разогнать дым. Мне казалось — еще секунда, и наш дом вспыхнет, как лучина.

Я судорожно схватил второй лист. Инстинкт, память и чистое отчаяние слились воедино. Рука дернулась, замыкая круг лилии. Я даже не успел додумать, чего хочу, — на вздохе комната окуталась плотным влажным туманом, и из центра рисунка к потолку ударил тонкий, почти ледяной поток воды. Он не бил с силой, но будто затянул огонь в себя — пламя сперва завывало, потом схлопнулось, оставив после себя лишь дым и копоть.

Тишина, которая повисла потом, была куда тяжелее самого пожара.

Я стоял с пером в руках, всматриваясь в медленно оседающий пар. Волосы на лбу и щеках слиплись, рубашка прилипла к телу. Отец стоял посреди комнаты и не знал, что делать с пустыми руками. Мать, кажется, в первый раз за мою жизнь не могла найти слов. Только Марфа, стоявшая в углу, как застывшее пугало, вдруг завывала, выдав из себя голос, который я никогда от нее не слышал:

— Маг... Маг! — едва слышно, будто глотая слова. Она ткнула в меня дрожащим пальцем, даже не попытавшись найти оправдание происходящему. — Выродок! Чудовище в нашей деревне!

Для неё я в одно мгновение перестал быть соседским парнем, превратившись в тех самых «пустоцветов», о которой предупреждали предки. И побежала к дверям. Остальные и пошевелиться не успели, как Марфа уже была на улице, крича на всю деревню о том, что случилось в нашем доме. Я слышал, как по двору поползли её визги, и почти физически почувствовал, как за ними потянется людская, необратимая волна.

Внутри дома в это время будто бы вымерли все звуки. Я смотрел в глаза отцу — в них не было ни привычного упрёка, ни злобы, только глубокая, чужая мне печаль вперемешку со страхом. Он опустил на лавку, медленно, как старик, и закрыл лицо руками.

— Что ж ты наделал...

Я хотел ответить, объяснить, умолять не слушать Марфу, но вместо этого только молча жевал губу, чувствуя, как дрожит подбородок.

Мама метнулась в мой угол. Она не плакала, не кричала, — сжимая губы, стала быстро хватать с полки всё, что могло пригодиться: старое полотенце, смену белья, пару кусков вчерашнего хлеба. На ходу бросила в узел и немного сушеных грибов. Затем, не глядя на меня, сунула туда же перо и чернильницу, и те самые листы, которыми я чуть не спалил дом.

— Собирайся, — сказала она, и голос прозвучал так, что я не сразу понял, что говорит всерьёз. — Сейчас будут здесь. Уходи, слышишь? Выйдут на улицу — живым не выпустят. Беги, но подальше отсюда.

Я услышал, как снаружи кто-то уже грохочет в калитку, а из-за забора раздаётся сдавленный, чужой рев: «Пожар! Магия!». Кто-то явно знал, что делать при таких случаях. Даже если бы я ничего не поджёг — после крика Марфы люди бы пришли всё равно.

Отец молча встал, взял меня за плечи и впервые в жизни крепко обнял. Я почувствовал, как у него дрожит грудь, но он не хотел подавать виду, что волнуется.

— Мы любим тебя, — прошептал он. — Не виноват ты... Но и не останутся эти люди глухими. Не нужно им здесь чуда. Здесь верят только в вилы да в костёр.

Он быстро залез на стропила и достал оттуда пахнувший травами кожаный кошель, отдал мне. Мать стояла рядом, не двигаясь, пока наконец не дернулась вперёд и не поцеловала меня в лоб.

— Не оборачивайся, — выдохнула она, и на этот раз я понял, что это не просто слова.

Чей-то крик уже был у самой двери. Я метнулся в сени и выбежал в проливной дождь, даже не успев осознать, что наделал.

Деревенская улица была серой, пустой — но только на вид. Я знал, что за каждым окном кто-то смотрит, что сейчас из подворотни выскочит кто-нибудь с палкой или с чем поострее. Я бегом пересек двор, выскочил за ограду и побежал по размытой дождём колее.

Глава 3: Цена круга

Я бежал. Просто бежал, не разбирая дороги, быстрее собственных мыслей. Легкие горели, сапоги весили пуд, а сердце вколачивало ритм прямо в виски, эхом отдавая в черепе, заглушая даже шум ливня.

Опомнился я лишь тогда, когда огни родных изб превратились в едва заметные точки на горизонте. Глина под ногами сменилась жестким, утрамбованным грунтом. Тракт. Я остановился, пытаюсь отдышаться, и побрел по большаку, сам не зная куда.

В голове крутилась только одна мысль: найти бы хоть какое-то укрытие. Хоть клочок сухой земли. Отчаявшись, я рухнул на колени, схватил первый попавшийся острый камень и принялся лихорадочно выскрести контур подсолнуха прямо на пропитанной водой обочине. Глупость, конечно. Рисунок отозвался — он недовольно зашипел, выпустил пару жалких струек сизого дыма и тут же заглох, захлебнувшись влагой.

Я в ярости ударил кулаками по этой чертовой земле. Реальный мир оказался мокрым, кривым и равнодушным. Я смотрел на размытую канаву — и понимал: здесь мои круги просто не живут.

Внезапно ладони почувствовали легкую вибрацию. Что это? Я оглянулся и прищурился, пытаюсь пробить взглядом стену дождя. По большаку, вздымая фонтаны брызг, неся наездник с огромной кожаной сумкой через плечо. Почтарь! Единственный живой человек на верста вокруг и мой последний шанс не сдохнуть от холода в этой канаве.

Я выскочил на середину дороги раньше, чем успел подумать и принялся махать руками и прыгать, как одержимый. Лошадь заржала, вскидываясь на дыбы, и начала замедляться, скользя копытами по мокрому камню. Почтарь, злой и промокший до нитки, склонился с седла. Лицо его было багровым от гнева.

— Ты совсем из ума выжил, парень? — рявкнул он, пытаюсь успокоить коня. — Я тебя едва не растоптал! В такой ливень перед носом ничего не видать. Уйди с дороги, у меня время, я и так из графика выбился!

Он уже начал отводить лошадь в сторону, собираясь пустить её в галоп, но я, не помня себя, вцепился в его сапог. Прямо так, грязными пальцами, намертво. Я начал умолять, захлебываясь словами, нести какую-то чепуху про беду, про то, что мне нельзя оставаться здесь... В тот момент я совершенно не думал о достоинстве. Мне просто нужно было, чтобы кто-то забрал меня из этой темноты.

Почтарь помолчал, раздумывая, стоит ли возиться со мной дальше, но в итоге велел взбираться на лошадь и держаться крепче. Скакали мы долго. Слишком долго для человека, чье единственное достояние — папирус и надежды — могло превратиться в кашу от этого бесконечного, бьющего в лицо ливня. Я прижимал сумку к груди, пытаюсь защитить ее своим телом, но вода была повсюду. Она затекала за ворот, пропитывала рубаху, превращая меня в мокрый, дрожащий ком.

Трактир «Сытый гусь» вынырнул из темноты как спасение. В тот момент я думал не о еде, а о том, как бы не оставить здесь всё содержимое своего кошелька. Почтарь с облегчением распахнул тяжелые двери, в лицо ударила тяжелая, почти осязаемая волна тепла. Она пахла жареным салом, крепким дешевым элем и вековым слоем пыли. После ледяных игл дождя этот воздух казался слишком густым. Свет очага не грел — он слепил, выставляя мою грязь и дрожащие руки. Я чувствовал себя лишним.

Почтарь переговорил с хозяином, предъявил свое удостоверение, чтобы и его, и коня пристроили по высшему разряду. Я же, ощущая себя неприкаянным духом, просто плелся следом за своим спасителем, не смея поднять глаз. Тот обернулся у лестницы, бросил короткое:

«Дальше сам. Я и так для тебя сделал больше, чем положено», — и на этом наши пути разошлись.

Я пробурчал слова благодарности себе под нос и рухнул за ближайший стол в самом темном углу.

Голова гудела. Стоило мне оказаться в относительном покое, как мысли, словно потревоженные осы, принялись жалить изнутри. В горле стоял вкус гари. Перед глазами — мать, отец, столб огня. Я хотел помочь. А чуть не сжёг дом.

— Эй, парень. Будешь заказывать что-то? — Протяжный басовитый голос вырвал меня из омота отчаяния.

Трактирщик, массивный мужик с бровями, похожими на два куска нечесаной шерсти, навис над столом. Его взгляд так и буравил мою промокшую фигуру.

Я начал спешно рыться в сумке, едва попадая пальцами в нужные складки. Кошель нашелся на самом дне. Когда я его достал, знакомый аромат домашних трав ударил в нос, сдавливая горло. «Хоть бы хватило», — подумал я, зажмурившись.

Я приоткрыл кожаный мешочек и замер.

Внутри лежала увесистая горсть медяков, около десятка серебряников и как маленькое солнце среди туч, сияла золотая монета. Настоящее золото. У меня перехватило дыхание. Отец копил это годами. А теперь отдал — чтобы я мог сбежать.

Трактирщик тем временем недовольно вздохнул, постукивая пальцами по столешнице.

— Ну? Ты так и будешь на кошель пялиться? — проворчал он. — Давай так: отдельная комната, чтобы ты не тряся, как осенний лист и не беспокоил весь зал — один серебряк. Заодно и одежду просушишь у очага. Сытный ужин — миска густого рагу с мясом, свежий хлеб и кружка доброго эля — обойдется тебе в восемь медяков. Если хочешь еще и воды горячей умыться, добавь еще парочку.

Я судорожно сглотнул. Это были честные цены для тракта, но после того, как я увидел золото родителей, каждая монета казалась мне каплей их крови.

— Комнату... и ужин, — выдал я, выживая серебряный и россыпь меди. — Пожалуйста. И... можно мне куда-нибудь пристроить чернила? Чтобы они не замерзли.

Трактирщик хмыкнул, сгребая деньги, и его взгляд немного смягчился.

— Пристроим твои чернила, маляр. Садись ближе к огню, сейчас принесу похлебку. Посмотрим, вернет ли она тебе человеческий вид.

Я пересел ближе к огню. Руки всё равно дрожали. Тряхнув головой и постуча себя по щекам, я попытался отшутиться у себя в голове: «Ну вот. Дорисовался». Меня немного отпустило.

Трактирщик с теплой улыбкой на лице принес мне ужин. Еда пахла божественно — чесноком, вареным мясом и чем-то пряным, а хлеб был мягким и с хрустящей корочкой. Я схватил ложку, обжигая язык, и начал жадно глотать горячую жижу. Тепло медленно, капля за каплей, начало разливаться по телу, возвращая способность думать.

Хозяин проводил меня на второй этаж, вверх по скрипучей, пахнущей пряностями лестнице. Комната оказалась крохотным закутком под самой стрехой. Весь её уют ограничивался узкой кроватью с комковатым тюфяком и колченогим столом, который, кажется, держался только на честном слове и слоях вековой пыли.

— Вот, — буркнул трактирщик, ставя на стол огарок сальной свечи. — Вещи, если хочешь, спускай к общему очагу.

Я лишь молча покачал головой, прижимая к себе сумку. Оставить своё единственное сокровище внизу, среди пьяных возниц и проезжих? Ну уж нет. Единственное, что я смог доверить — это чернила. Они точно никому не нужны.

Когда дверь за ним закрылась, я остался в тишине. Хотя тишиной это назвать было трудно: снизу, сквозь щели в полу, доносился гул голосов, хохот и звон посуды. Здесь, наверху,

было зябко. Стена, вдоль которой проходил дымоход от кухонной печи, отдавала едва уловимым, умирающим теплом. Я почти сразу притерся к этой стене спиной, пытаюсь унять дрожь, которая никак не хотела отпустить.

Я вывалил содержимое сумки на стол. Вид был плачевный.

Мои записи, мои «букеты», в которые я вложил столько бессонных ночей, превратились в слипшийся, серый ком. Я бережно, стараясь не дышать, начал разделять листы. Пальцы онемели, кожа на них сморщилась от воды, и я почти не чувствовал прикосновений. Стоило мне развернуть первый чертеж — тот самый злополучный подсолнух, — как я едва не взвыл от досады.

Чернила поплыли. Линии расползлись в грязь, превращая рисунок в грязное пятно.

Я провёл пальцем по рисунку — и только размазал его сильнее. Дома всё работало. Здесь — нет.

Я снова посмотрел на свои испорченные свитки. В кошельке золото, которое могло немного продлить мою жизнь, но в руках — промокшие чернила, которые эту жизнь пока защитить не способны.

Я придвинул развернутые комки бумаги ближе к огарку свечи, в надежде, что они немного высохнут. Завтра нужно будет как-то добраться до города. Я прижался к тёплой стене и закрыл глаза.

В этот раз всё обошлось не испорченным листом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.